

УДК 811.161.1'276.16

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОМЕДИЙ ЕКАТЕРИНЫ II В СВЕТЕ
ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ***А.Ю. Никитина***Аннотация**

В статье анализируется специфика языковой личности Екатерины II на материале её комедий. Выявляется своеобразие языка и речевого поведения императрицы: характеризуются выбор и использование лексических и грамматических средств, выделяются черты разговорного и книжного стилей, индивидуально-авторские элементы. В ходе исследования выявлены специфические черты комедий в грамматическом и стилистическом плане (близость к разговорной речи, лингвокреативность, необычная сочетаемость слов, метафоризация), сделан вывод об органичном сочетании элементов разговорного и книжного стилей в произведениях императрицы.

Ключевые слова: языковая личность, индивидуально-авторские слова, неологизм, разговорные и книжные слова, метафора, лингвокреативность, окказионализм.

В отечественной лингвистике в течение продолжительного времени не ослабеваает интерес к изучению истории становления русского литературного языка. В этой связи новой является тенденция к рассмотрению данного вопроса через призму анализа русской языковой личности на материале языкового наследия известных деятелей прошлых эпох. Так, в последние десятилетия появились работы по изучению языковых личностей Ивана Грозного [1], Петра Великого [2] и др.

В наши дни в лингвистике активно развивается антропологический подход к изучению языка, начиная с 80-х годов прошлого века и до настоящего времени термин «языковая личность» является одним из самых используемых и востребованных, усиливается интерес к роли говорящей личности в процессе общения. Современная лингвистика характеризуется вниманием к факту взаимодействия человека как представителя определённого социума с языком, который он использует, в результате чего создаётся социально-речевой портрет личности. Исследователи интересуются психологическими, социальными, профессиональными, когнитивными, прагматическими аспектами речевого поведения личности и их отражением в языковой картине мира.

Однако, несмотря на всё возрастающий интерес к проблеме изучения языковой личности, в лингвистике нет единого подхода к определению этого термина. Впервые данное понятие было использовано в работе В.В. Виноградова «О языке художественной прозы» (1930 г.), в которой мы находим следующую

мысль: «Памятник – не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций» [3, с. 91].

Само понятие «языковая личность» начал разрабатывать в 1984 г. Г.И. Богин, по мнению которого языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [4, с. 14]. Тем не менее важно также отметить, что понятие «языковая личность» до настоящего времени не имеет единой трактовки, что, на наш взгляд, обусловлено достаточной сложностью и многоуровневостью самой проблемы. Наиболее распространённой и принимаемой большей частью лингвистов является концепция языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым. Именно он ввёл это понятие в широкий научный обиход.

Ю.Н. Караулов под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [5, с. 3]. Им была предложена трёхуровневая модель языковой личности, которая включает: 1) вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный) уровень, отражающий степень владения обыденным языком; 2) когнитивный уровень, предполагающий отражение языковой модели мира личности, её тезауруса, культуры (единицами данного уровня являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждого носителя языка в «картину мира», отражающую иерархию ценностей личности); 3) мотивационный уровень, включающий выявление и характеристику мотивов и целей, интересов, движущих развитием языковой личности, способов аргументации, оценки (см. [5]).

Многие лингвисты отмечают тесную взаимосвязь понятия «языковая личность» с понятиями «языковая/коммуникативная компетенция», «языковое сознание», «языковое существование», «коммуникативное (речевое) поведение». Так, В.И. Карасик называет пять аспектов (компонентов) языковой личности: 1) языковая способность; 2) коммуникативная потребность; 3) коммуникативная компетенция; 4) языковое сознание; 5) речевое поведение (см. [6, с. 7]).

В статье К.Ф. Седова выделяется 3 типа языковой личности, в основу его классификации положен принцип «доминирующей установки по отношению к участникам общения» [7, с. 22–23]: 1) конфликтный тип, «демонстрирующий установку на себя» и направленный одновременно против партнёра по коммуникации (в этом типе выделяются два подтипа – «конфликтный агрессор» и «конфликтный манипулятор»); 2) центрированный тип, характеризующийся установкой на себя при игнорировании партнёра по коммуникации (здесь также выделяются два подтипа: «активно-центрированный» и «пассивно-центрированный»); 3) кооперативный тип, проявляющийся в одновременной установке на себя и партнёра по коммуникации (данный тип включает два подтипа: «кооперативно-конформный» и «кооперативно-актуализаторский») (см. [7]).

В свою очередь, В.В. Красных, исследуя проблему языковой личности, говорит о следующих компонентах этого понятия:

а) *человек говорящий* – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;

б) *собственно языковая личность* – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений;

в) *речевая личность* – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств;

г) *коммуникативная личность* – конкретный участник отдельного коммуникативного акта, реально действующий в подлинной коммуникации [8, с. 17].

Таким образом, каждый исследователь по-своему рассматривает различные аспекты вопроса, связанного с пониманием термина «языковая личность». Разнообразие подходов к анализу языковой личности говорит о сложности данного понятия и о важности его изучения. Настоящее исследование посвящено выявлению специфических особенностей языковой личности Екатерины II на вербально-семантическом и когнитивном уровнях.

Актуальность исследования, предполагающего рассмотрение особенностей языковой личности Екатерины II, обусловлена малой степенью изученности её языкового наследия. Письменное наследие русской императрицы – это интереснейший материал для анализа не только особых, разнообразных по жанру литературных и исторических произведений, но и источник для оценки состояния русского литературного языка XVIII столетия.

Специфика языковой личности определяет своеобразие языка и речевого поведения, выбора и использования лексических средств, построения высказываний, использования разнообразных жанров речевого общения. Постигание языка находится в тесной связи с бытием человека – с человеческим сознанием, мышлением, культурой, деятельностью. Екатерина Великая была неординарным человеком и проявила себя и как правитель, сделавший многое для России, и как литературный деятель, оставивший богатое языковое наследие (собственно-ручные записки, письма, комедии, переписку, указы и т. д.).

В настоящей работе рассматривается специфика языковой личности Екатерины II сквозь призму анализа её комедий, которые существенно отличаются по своим языковым особенностям от других произведений императрицы. Однако исследователи практически не касаются данного материала, поскольку с ним связано много вопросов: когда были написаны комедии, сколько раз были переизданы и т. д.

К жанру комедии Екатерина Великая обращается предположительно в 1772 г. (эта дата является спорной, она указана только в подзаголовке к произведениям, например: «*О, время!*» *Комедия в трёх действиях. Сочинена в Ярославле во время чумы 1772 года*), представляет их анонимно, объединив общей ссылкой на то, что они написаны *в Ярославле*. В литературном плане комедии соответствуют характерным для XVIII столетия классицистическим требованиям национального содержания, подчёркнутого интереса к бытовой тематике, а также теории заимствования у зарубежных авторов. Так, анализируя историю комедий Екатерины II, исследователь Е.Л. Костина справедливо отмечает, что, оставив без изменения главные черты классицизма, автор комедий практически не использует «напыщенных монологов-самохарактеристик, неестественных ситуаций...

Напротив, комедийные герои Екатерины наделены своей логикой, которая движет их речью и поступками. Большинство действующих лиц имеют вполне реальные черты и, хотя трактовка их остаётся в целом в рамках традиций классицизма, превращаются из персонажей-символов в достаточно легко узнаваемые жизненные и литературные типы» [9, с. 306–307]. Этот принцип обуславливает также и тот факт, что речь героев максимально приближена к живому разговорному языку.

Комедии Екатерины II отличаются тем, что главным лингвистическим приёмом в них является простота языка, близость к разговорной речи. Не случайно в «Завещании» императрица даёт такого рода советы писателю: *думать по-русски; красноречия не употреблять, разве само собою на конце пера явится; слова класть ясные и буде можно самотеки* (СЕ, с. 19). Действительно, комедии Екатерины II отличаются широтой использования слов и элементов разговорного стиля и просторечия.

Исследователи русского литературного языка (в том числе Н.А. Мещерский) отмечают, что в языке прозаических произведений середины и конца XVIII в. «наблюдаются прогрессивные тенденции, ведущие к взаимному проникновению элементов высокого и низкого слога, к новому синтезу живой русской разговорной речи с традиционно-книжными чертами высокой патетики и с конструктивными формами западноевропейской речевой культуры» [10, с. 175]. Однако комедии Екатерины II отличаются проявлением обратной тенденции – **обращением к разговорной речи**. Эта особенность в целом характеризует языковую личность императрицы.

Приведём примеры:

- *Господин Непустов, со всею своею твердостью, также не преодолев себя, треснул и он, и оба мы взаходы смеялись* (СЕ, с. 257). Слово *треснул* в ТСРЯ в значении ‘не выдержать напряжения от чего-нибудь’ даётся с пометой *разг., фам., шутил*. (ТСРЯ, с. 415). Лексема *взаходы* в СРЯ отмечается в значении ‘сильно (о смехе)’ с пометой *простонар.* (СРЯ);

- *В доме всё пошло на вынтараты: никто меня не почитает и не слушается* (СЕ, с. 302). В СРЯ наречие *на вынтараты* в значении ‘навыорот, наоборот’ даётся с пометой *простонар.* (СРЯ);

- *А! постойте, сударь, я слышу шум, – пора мне отсюда убираться* (СЕ, с. 243). Слово *убираться* в ТСРЯ даётся с пометой *разг., фам.* (ТСРЯ, с. 440);

- *Никак, мой свет, на что так убытчишься* (СЕ, с. 260). Слово *убыточить* в ТСРЯ даётся в значении ‘вводить в убыток’ с пометой *простореч.* (ТСРЯ, с. 441).

Интересны в этом плане случаи использования элементов, взятых из разговорного языка, языка простого народа (низшего сословия – прислуги): *Вот вам голос; по-каковски это? на собачий лай похоже* (СЕ, с. 349); *То-то сунбур* (СЕ, с. 352). Такого рода изменения слов на основе их народного произношения имеют стилистическую функцию – выделить и разграничить речь простого человека (прислуги) и господ.

К важнейшей характеристике языковой личности нужно отнести лингвокреативность, то есть способность человека к речетворчеству, которая находит выражение в языковой игре, метафоризации. В связи с этим необходимо отметить, что в комедиях Екатерины II метафора является одним из главных языковых

средств образности: своего рода метафоризации подвержены, к примеру, имена героев комедий (в них обнаруживается скрытая номинация). Так, имена и фамилии действующих лиц вбирают в себя категориальные признаки, выступают в некотором роде как сигнификат, в котором отражаются экспрессивные черты. Екатерина II наделяет своих героев говорящими именами и фамилиями. Так, героиня *Ворчалкина* (комедия «Именины Госпожи Ворчалкиной») постоянно выражает недовольство чем-то, «ворчит»; героиня *Вестникова* (комедия «О время!») приносит какие-то новые известия; герой *Некопейков* (комедия «Именины Госпожи Ворчалкиной»), не имея ни рубля за душой, придумывает способы заработать деньги, обогатить Россию и россиян.

Екатерина использует различные способы метафоризации, в том числе в её произведениях достаточно часто встречаются индивидуально-авторские метафоры: *Встал сегодня в час, и теперь такая мигрена, и так в носу грустно, что сказать не можно. Нет ли еан де лице повюхать?* (СИЕ). *В носу грустно* – так называет герой Фирлюфюшков грипп в комедии «Именины Госпожи Ворчалкиной». Особым образом определяются и метафоризируются Екатериной II слова семантического поля «любовь и страсть»: они представляются как нечто живое, существующее как отдельное явление, имеющее свою волю: *Страсть кистью своей делает начертания на лице всякого человека; веселье, радость, сердце, печаль, ревность, зависть, ложь, мщенье, нерешимость, твердость, упрямство – действуют снаружи; черты оным соответствуют протягательно, или укротительно, или отпускательно, или замешательно, или инако* (СЕ, с. 367). В данном случае человеческая страсть предстаёт в качестве некоего живого объекта, способного влиять на человека. Ещё пример: *Скажут про нашу барышню, что нахмурившись ходит, сентябрём смотрит и от людей дичится* (СЕ, с. 354). Метафора *сентябрём смотрит* построена путём перенесения особенностей природных явлений на эмоциональное состояние человека.

Языковое поведение Екатерины II отражает её стремление быть близкой к народу и понятной ему. Это обуславливает и тот факт, что в драматических произведениях в большом количестве представлены слова с необычной сочетаемостью. Такого рода словосочетания, тяготеющие к разговорному стилю и являющиеся окказиональными (под окказионализмом мы понимаем слово или словосочетание, «образованное по непродуктивной модели, используемое только в условиях данного контекста» [11, с. 174]), позволяют наиболее точно и полно охарактеризовать ситуацию, мысли и соображения героев. Приведём некоторые примеры.

- *Я завернулся в епанчу нечувствительности* (СЕ, с. 304). *Епанча* – это безрукавная накидка с капюшоном. Словосочетание *епанча нечувствительности* является окказиональным, используется героем Радотовым в ситуации, когда он разговаривает с матерью и утверждает, что не испытывает никаких чувств по отношению к ней и к её увещеваниям.

- *Не приводи в движение страсти* (СЕ, с. 304). Это выражение употребляется Радотовым, когда его жена просит его опомниться и послушать слова матери. В данной ситуации Радотов характеризуется как персонаж, отличающийся спокойствием и не испытывающий никаких чувств ни к кому.

• *Кто добродетелей ищет в долгих молитвах и в наружных обыкновениях и обрядах, тот боярыню мою без похвалы не оставит* (СЕ, с. 242). Под выражением *наружные обыкновения* имеются в виду привычки.

Наряду с такого рода окказиональными словосочетаниями и выражениями в комедиях Екатерины II широко используются индивидуально-авторские слова, своего рода индивидуально-стилистические неологизмы императрицы-писательницы. Под стилистическим неологизмом мы понимаем неологизм (слово или оборот речи), «созданный автором данного литературного произведения с определённой стилистической целью и обычно не получающий широкого распространения, не входящий в словарный состав языка» [11, с. 143]. Такого рода слова, на наш взгляд, помогают ей наиболее точно охарактеризовать предмет или явление, показать их суть.

Неологизмы создаются несколькими способами. Во-первых, от существительных, обозначающих конкретное явление или предмет, с помощью суффикса образуются прилагательные для характеристики того или иного человека или ситуации: *Всякий это и говорит; а он урочлив, мой свет, так урочлив, что нельзя больше* (СЕ, с. 265). Прилагательное *урочлив* используется для характеристики сына Чудихиной, который получает много уроков от всех. Следовательно, *урочлив* выступает как суффиксальное образование от существительного *урок*.

Во-вторых, от глаголов образуются существительные, обозначающие объект действия: *Мадам Грибуж держит ей под носом нюхальницу* (СЕ, с. 277). Существительное *нюхальница* образовано от глагола *нюхать* и обозначает предмет, который нюхают, вдыхают.

В-третьих, новые лексемы создаются автором по аналогии с другими словами, похожими по структуре, ср.: *Всё проникательное... Всё умножительное* (СЕ, с. 322). Прилагательные *проникательное* и *умножительное* созданы по аналогии со словом *удивительное*, используемым далее в тексте комедии. Они мотивируются соответствующими глаголами и употребляются в целях отражения в тексте насмешки и иронии. *Лекарство дать ей должно, я для того мы здесь; но избрать из сотни помогательное на тот случай, в том искусство состоит* (СЕ, с. 277). Существительное *помогательное* образовано от глагола *помогать*, то есть *помогательное* – это ‘то, что должно помогать’.

Отдельный случай представляют слова, образованные путём сложения основ: *Благополучие, сударыня, от многоразличных обстоятельств зависит* (СЕ, с. 382); *Об Амбане или шамане вашем здесь шум великий... сказывают, будто по лицу узнает умоначертание всякого человека* (СЕ, с. 342); *Каблучки высокотонкие мешают ходьбе* (СЕ, с. 307).

Наконец, новые слова (глаголы) образуются путём прибавления к слову типичного для той или иной части речи словообразовательного элемента: *Вот еще! стану ли я с такою подлостью анканальироваться и жизнь свою рискировать!* (СИЕ). Глаголы *анканальироваться* и *рискировать* образованы от слов *каналья* и *риск* с помощью продуктивного глагольного суффикса *-ирова-*.

Особо следует отметить способ образования новых форм слов (прежде всего существительных) с помощью так называемых уменьшительных суффиксов, при этом лексемы приобретают в некоторых случаях ироничный оттенок значения.

Нет ли любвишки? (СЕ, с. 365) – так с иронией говорит Брагин в комедии «Шаман сибирский» о причинах плохого самочувствия Прелесты. *Пойдём, мне же есть нуждица с вами поговорить* (СЕ, с. 368) – эти слова произносит Санов в адрес Бобина и Бобиной, которые выше него по сословной лестнице. Суффикс *-иц-* в слове *нуждица* придаёт оттенок значения ‘поклонение и почитание лиц высшего сословия’. Ещё пример: *Тауса, молвь нам словечушко нужное, скажи нам: да* (СЕ, с. 336). В данном случае использование уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк-* семантически оправдано: оно подчёркивает, что в сложившейся ситуации огромную роль сыграет даже одно короткое, но весьма значимое слово.

Екатерина II, будучи немкой по происхождению, старалась освоить не только современный ей русский, но и старославянский и древнерусский языки, читала летописи, древние рукописи. Этим обусловлено то, что в комедиях она использует и церковнославянские книжные слова и выражения: *Много в отказе участия имеют и г. Вестникова, и Чудихина, а наипаче моя собственная неосторожность* (СЕ, с. 256); *Я пойду к ним и чем-нибудь потицусь разорвать это сонмище* (СЕ, с. 262); *Изречение сие я понимаю, аки вмыкающее в себя волю и хотение* (СЕ, с. 305).

Нами отмечено частое использование Екатериной II в комедии «Обольщенный» (1785 г.) сочетаний, построенных по модели *суть* (форма 3 л. мн. ч. нетематического глагола *быти*) + краткое прилагательное. Такого рода обращение к книжным формам является доказательством многогранности и уникальности языковой личности Екатерины II, которая использует устаревшие языковые формы: *Но почему оные предпочтительны суть издревле принятым и славным законодательством, утвержденным для общей и частной пользы, сего никто мне не докажет* (СЕ, с. 328); *От тебя, мой свет, еще сокровенны суть пружины, нами движущие* (СЕ, с. 316); *Для них, по крайней мере, рассуждения твои суть не весьма утешительны* (СЕ, с. 305); *Вам самим на суд отдам: намерения мои не суть зазорны* (СЕ, с. 320).

Факт обращения Екатерины II к древнерусскому языку доказывает также широкое использование в комедиях древнерусского условного союза *буде*, имеющего глагольное происхождение: *Свойства и умоначертания всякого из вас скажу, буде захочу, наперечет, не зная ни имя, ни прозвание ваше* (СЕ, с. 353); *К расчетам я необычна; но буде благодарностию родители мои обязаны, то долг мой есть делить чувства подобные с ними* (СЕ, с. 398); *Я пойду, буде дашь мне подписку, что не пойдешь в мартышки с печальным видом* (СЕ, с. 338).

В связи с обращением Екатерины II к древнерусскому языку интересным является использование особых форм глаголов с суффиксом *-ива/-ыва-* (*делывал, сказывал, плачивали*), которые наряду с грамматической функцией показателя несовершенного вида глагола (употребление которого в текстах грамматически не всегда оправданно) используются также для указания на большую протяжённость действия или многократность его выполнения: *Я не плачивал, не плачу и никогда платить не намерен* (СИЕ); *A dire la vérité, многие мепризательные люди пропустили слух, будто мы по уши в долгу, jusqu'aux oreilles; да и правительства делывали нам угрозы, только не очень это страшно* (СИЕ).

Таким образом, проведённый лингвистический анализ комедий Екатерины II показал уникальность языковой личности императрицы. В её произведениях органично сочетаются черты разговорного и книжного стилей. Язык её комедий метафоричен, оригинален как в грамматическом, так и в стилистическом плане.

Summary

A.Yu. Nikitina. The Language Features of the Comedies by Catherine II in the Light of the Theory of Linguistic Personality.

In this article, the specificity of the linguistic personality of Catherine II is analyzed using her comedies as a case study. The originality of the language and verbal behavior of the Empress is identified. The selection and use of lexical and grammatical means are characterized. The features of literary and conversational styles and author's individual elements are distinguished. Specific grammatical and stylistic peculiarities are revealed such as closeness to conversational speech, linguistic creativity, unusual collocation of words, and metaphORIZATION. A conclusion on a natural combination of the elements of conversational and literary styles in the works of the Empress is made.

Keywords: linguistic personality, author's individual words, neologism, conversational and literary words, metaphor, linguistic creativity, occasionalism.

Источники

СЕ – Сочинения Екатерины II / Сост., вступ. ст. О.Н. Михайлова. – М.: Сов. Россия, 1990. – 384 с.

СИЕ – *Екатерина II*. Именины Госпожи Ворчалкиной // Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные / Под ред. А.И. Введенского. – URL: http://http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0120oldorfo.shtml, свободный.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 3 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече; Мир книги, 2001. – Т. 3. – 671 с.

СРЯ – Словарь русского языка XVIII века. – URL: <http://feb-web.ru>, свободный.

Литература

1. *Попова О.В.* Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 177 с.
2. *Гайнуллина Н.И.* Языковая личность Петра Великого: Опыт диахронического описания. – Алматы: Казак университети, 2002. – 141 с.
3. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
4. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 310 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. *Седов К.Ф.* Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 3–29.

8. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.
9. *Костина Е.Л.* К истории ранних комедий Екатерины II. – URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/XVIII/18_tom_XVIII/Kostina/Kostina.pdf, свободный.
10. *Мещерский Н.А.* История русского литературного языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 279 с.
11. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Поступила в редакцию
25.12.12

Никитина Алена Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия.

E-mail: alyona.nikitina@gmail.com